

Римма Устинова. СВОИ.

В деревне не принято называть – родственники, родня, а говорят – свои. Жену брата так и называют – свойка. Наш дед Уваров Данила Ильич родился в 1890 году в деревне Усолье, давно уже не существующей. Назван так, видимо, в честь святого Данилы-столпника, ведь именем раньше нарекал батюшка. Мать у него звали Татьяной, а отца Ильёй.

Имел дед три сестры. Старшая Афанасия (Ившина) в последствии жила в Шеговарах (д.Варамино), трижды была замужем, детей не имела. Я видела её единственный раз, когда ей было уже около 80 лет. Средняя Александра всю взрослую жизнь прожила в деревне Уйта. И младшая Пелагея, жившая в какой-то Солзе, а потом в Северодвинске, это видимо рядом.

Подросши, дед перевёз дом из Усоля в Усть-Морж, видимо сплавил по речке Усолке. Дом был длинный, жилое помещение и спереди, с фасада (переда), и сзади (подызбица). Иначе говоря, летняя и зимняя изба. Зимняя изба всегда меньше по размеру, с маленькими окошками, низкая, тесная. Люди берегли тепло. Ну и, естественно, в передах было более просторно, светло, высокое крыльцо, большие окна и т.д. А между избами огромная повесть со всеми хозяйственными пристройками. Так было у всех справных хозяев, так было и у нас. В своём доме я подызбицу уже не застала, а в деревне ещё в некоторых домах были. Например, в доме Марюшкиных (прозвище), это почти напротив магазина.

Так вот, дед сначала построил дом, женился (1914 г.) и уже в 1915 году в этом доме родилась его первая дочь Анна. Его мать так и умерла потом в этом доме от рака желудка, звали её тоже Татьяной, как и невестку.

Был дед высокий, плечистый, черноволосый и чернобровый, имел силу немалую, работающий и молчаливый. Я его видела, когда мне исполнилось 4 года, но запомнила хорошо. Есть у меня и рассказ о нём («Сорок третий»), поэтому повторяться не буду. Была в доме одна единственная фотография дедовой семьи, когда он ещё был не женат, не знаю, сохранилась ли. Хозяйство деда не было бедняцким, было много скота, и земля, видимо, была. В деревне ведь до сих пор каждое бывшее поле, полянка, а по старинному новь, новина, новинка называются по имени или прозвищу бывших хозяев: Никитина новина, Васильева новинка и т. д. Так вот, про землю я не знаю, а про луг (пожню) слышала.

Когда мне было лет 7, и я уже работала на этой самой пожне, старушки мне показали: вот Данилова чищенина. То есть луга не хватало, и он расчищал площадь от леса рядом с пожней. На то время он давно уж умер, да и жил в последнее время в городе, и чищенина эта заросла кустарником, но люди ещё помнили. Была у деда и лодка, и у всех были лодки и карбаса...

Афанасия.

В детстве её звали Наськой. Старшая, значит, первая помощница матери. В молодости она работала на пароходах. Пароходы тогда ходили на дровах, а дрова заготавливали на берегу. В основном это мужская работа, но были и женщины. Потом её стали брать и на пароход: кого-то подменить или что-то помочь. Ходила (плавала -так не говорят) по Двине и по Ваге. Там познакомилась со своим первым мужем, он же и увёз её в Шеговары, а сам вскоре утонул. (О ней у меня есть рассказ «Я люблю тебя, жизнь»).

Мы уже жили в Шенкурске, когда меня отправили в командировку в Шеговары (декабрь 1968г.) Целый день до позднего вечера я вела приём больных, и по окончании какой-то шофёр по моей просьбе на грузовой машине привёз меня в Варамино. Темно на улице, не очень светло и у бабушки, обычный небольшой деревенский домик. Я призналась, кто я, и мы проговорили почти всю ночь. Она постелила мне на лавке у окна (было очень холодно, между прочим), сама легла на печку.

– Как в Усть - Морже побывала, – сказала мне на прощание.

Утром за мной пришла та же машина, и я ещё неделю работала в Шеговарской участковой больнице. В начале марта я ушла в декретный отпуск, а в сентябре, когда вышла на работу, через больных узнала, что наша тётя Афанасия давно отправлена в дом престарелых. В её доме живёт другая семья. Это сельсовет так быстро подсуетился, потому как одной из доярок очень нужно было жильё. В те времена доярки были на первом плане у руководства и ни в коем случае не врачи, например. Родственники в данном случае даже не были поставлены в известность. Свою тётю я так и запомнила: высокая, прямая старуха с крупным носом и громким голосом, с ясным умом и твёрдой памятью.

Александра.

Вторая сестра деда, по фамилии Щеколдина, вышла замуж и всю жизнь прожила в деревне Уйта, что в 12 км от Усть-Моржа, работала на

скотном, как и большинство деревенских женщин. Кем был её муж Иван, я не знаю, он рано умер, вроде утонул. Из раннего детства помню, как она приходила к нам в гости; тихая, спокойная. Всегда просила маму посмотреть в голову (в войну людей страшно мучил педикулёз). Женщины усаживались на лавку к окну, и чёрные волосы тётки Александры свешивались до самого пола. У этой тёти было трое детей. Старшая Ольга дома не жила, но в нашей деревне в молодости был у неё парень. Судьба их развела, он женился. И когда она появилась у нас через много лет и случайно увидела его жену, только и сказала:

—Откуль и привёз такую лешуху!

—Из Моржа,— ответили свои.

Была Ольга насмешливой и чудаковатой, как бы теперь сказали с чувством юмора. Таким же шутником был и её бывший друг Сергей Осипович, и вовсе чудаком её муж Григорий. Они даже вместе играли в каком-то спектакле в сельской избе-читальне. Жили они в Усть-Ваге, детей не было. Я её видела только однажды, как вышла замуж, и приехали мы с мужем к его родителям в Заборье. Мы сходили и к Ольге. Это близко, только на другой стороне реки Ваги. Муж её к тому времени умер, и она была уже не молода, жила одна в половине дома, в другой половине совершенно чужие люди. К соседке на другую половину ходила часто, та поила её чаем и уговаривала, уговаривала. Вот и уговорила. Когда Ольга Ивановна заболела и совсем занемогла, уехала к брату в Пянду, тот её допечаловал и похоронил. А потом оказалось, дом, т.е. свою половину, завещала она своей соседке. Вот и учудила.

Павел.

Брат Ольги Павел – единственный мужчина из дедовой родни. Он был на войне, дошагал со своим пулемётом до Берлина. Когда пришёл с войны, то вскоре появился и у нас в деревне. Было лето, и я бегала по улице. Увидела, что к нам в дом зашёл какой-то военный, прибежала домой. Мама сидела за швейной машинкой, а военный на стареньком деревянном диване, что стоял у окна перед столом; вся грудь его была в орденах и медалях. Я, застеснявшись незнакомого человека, забралась вдруг к маме на колени, что никогда и не делала, да и мать нас особо не ласкала, это было и не принято совсем. Дядя Паша посмотрел на меня и сказал почему-то:

—А красивая девка-то будет! – чем смутил меня ещё больше. Ох, как ошибался храбрый военный!

Дядя Паша устроился работать на запань Пянда, женился почему-то не на девушке, которых было предостаточно, а на женщине, да ещё с

ребёнком. Тётя Маруся, его жена, работала в столовой. Первый муж её был с Верхоледки, Одоев, его вроде убили на войне. Сын её Ванька уже в школу ходил, т. е. она была и старше дяди Паши. Потом Павел построил в Пянде свой дом, работал по-ударному, зарабатывал хорошие деньги. Один за другим появились трое своих детей: Павел, Татьяна, Василий. Однажды зимой в декабре или в январе Ваня, как всегда на воскресенье, побежал к бабушке в Уйту, это километров 9-10, учился он тогда в 5 классе. Прибежал, открыл ворота, а бабушка в сених висит, было темно, он не сразу и догадался в чём дело. Испугался и побежал не к соседям, а обратно домой. Мороз был сильным, а он всю дорогу бежал бегом и плакал. Да, тётя Александра повесилась, и неизвестно, что её на это толкнуло. Из всей родни в войну она жила хуже всех. У неё ведь был и третий ребёнок, Николай, он родился полуслепым. В годы войны он был подростком и просил милостыню. Бывал он и у нас, но помню его смутно: в каком-то длинном, рваном пальто, а может, в старой шинели, с палкой в одной руке (ощупывал дорогу) и корзиной в другой. Ходил по ближним деревням и где-то пропал, домой так и не вернулся. Но ведь сын её Павел пришёл с войны живым и здоровым. Невестка не понравилась? Так тётя Мария была хорошей женой, и с неродным внуком контакт у бабушки был.

А Павел Иванович приезжал и сюда в Шенкурск однажды. Я была на приёме, пациентов у нас с коллегой было полно, очередь. Наконец-то всех приняли, рабочий день кончился, я побежала домой. Смотрю, в ожидалке сидит немолодой мужчина, и вдруг он окликнул меня по имени. Удивилась, узнала, оказывается, приехал дядя Паша к нотариусу по поводу того самого дома сестры своей Ольги, А нотариус в тот день не принимал. Пришлось ему у нас заночевать. Весь день тогда просидел он скромно в уголке стоматологического кабинета в ожидании меня, никому ничего не сказал. А сходство с моей мамой (внешнее) с годами только усилилось. Умер дядя Паша рано, так и не выйдя на пенсию, от лейкоза. Героев войны тогда и не чествовали вовсе. Сын Павел был тогда в армии. В армию его взяли со 2 или 3 курса Воркутинского Горного техникума. Служил он в Монголии, телеграмма пришла, а его часть была в то время на учениях. Пока там, в бескрайних степях телеграмма его нашла, отец был давно похоронен. Но в тот же год он приехал в отпуск.

Тут тоже был интересный случай. Мы тогда жили ещё по улице Мира рядом с больницей, и только что купили телевизор, они были ещё не у всех. И вот днём, по- моему в воскресенье, т. к. я была дома, шла передача «Служу Советскому Союзу». Я убиралась в квартире и слышу: Щеколдин, Щеколдин, Павел Павлович, Павел Иванович, танковые

войска. Подошла поближе – что-то знакомое, не могу понять; вгляделась, Господи, да ведь это же наш Пашка, только ударение в фамилии они ставят неправильно. Что-то он там совершил, какой-то подвиг, вот и отца фронтовика тряхнули. В общем, отличился наш Павел. Но в техникум он так больше и не попал, женился потом, да и забылось за 3 года службы многое. Из всех детей дяди Паши я больше его и знаю. Были вместе на свадьбе у Вити Рудного, затем ходили к бабе Зине. Он и в Шенкурске бывал, приезжал зачем-то к Василию. Человек хороший, на отца похож, играет на гармошке, на гитаре, хорошо поёт, пишет стихи. Жена его Зина приезжала как-то раз с детьми (их у них двое, мальчик Илюша, а девочку не помню, как зовут) ко мне лечить зубы. Зина мне тоже понравилась.

Тётя Мария пережила своего мужа и умерла на год-два раньше нашей бабушки Анны. Мы с Василием и привозили маму на похороны в Пяндю, видимо ездили в тот день в деревню. Мария лежала уже в гробу в своём доме. А мне на всю жизнь запомнились её слова на похоронах моего отца Михаила Ивановича: «Уж он вас не опозорил». Сын её Иван женился на хорошей девушке, фельдшере (медичке), но бил её, гонял, попал в тюрьму и там где-то сгинул. С Татьяной, сестрой Павла, по мужу Выручаевой, я почти не знакома, знаю, что работала она на почте, живёт в Хетово. Василий женат на усть-моржовской девушке (малый Усть-Морж) Люде Лисой. Он и живёт в отцовском доме в Пянде.

Пелагея.

Младшая сестра деда Данила, 1905 года рождения, ей всего было 9 лет, когда строился дом. Дважды выходила замуж. От первого мужа дочь Анна, от второго Степана дочь Римма, не только моя тёзка, но и ровесница (год, число и месяц- всё совпадает). Анна плохо слышала, замуж вышла поздно. У неё две дочки: Таня и Нина. Их отец, муж Анны, Саша работал на железной дороге, что-то ремонтировал под вагоном и состав вдруг тронулся, ему просто отрезало голову. Дочки тогда ещё были маленькие. Всю семью помню, так как они в одно лето отдыхали у нас всей семьёй. Тётя Поля меньше всех походила на деда и сестёр, меньше ростом, например, а Рима и вовсе не в нашу породу. Мы с ней дружили, она жила у нас в деревне не одно лето, потом переписывались. Я не помню, как и почему оборвалась наша связь, ведь после школы обе учились в Архангельске в одно время, могли бы и встречаться. Она окончила АЛТИ, работала и жила в Северодвинске, девичья фамилия Дурынина.

По-моему, больше всего виновата, что тётя Афанасия закончила свою жизнь в доме престарелых, именно семья тёти Поли. Это её дети и внуки выросли в Шеговарах. Всегда считалось, что Афанасия живёт богато, хотя бы потому, что у неё не было детей. Она пережила трёх мужей, всегда держала скот, в последние годы коз. Когда мы встретились, только о них и говорила. В войну мама дважды ездила в Шеговары обменивать вещи на хлеб, видимо, и колхоз там был побогаче. А отпуск у северодвинцев всегда был большим, Вот и гостили они и гостили у одинокой бабушки. Возможно, тётя Поля умерла её раньше, но ведь Рима и сейчас, надеюсь жива. Анна тоже умерла, а её дочка Татьяна переписывалась с моей мамой. Мне попало в руки её письмо уже после смерти мамы. Во всяком случае, я в Северодвинске никогда не бывала, как и мама, адресов их не знала, а деревня наша, где не раз бывали они, как стояла, так и стоит на том же месте, а Фаина, такая же им родня, как и мама, до сих пор и живёт там.

Свои со стороны бабушки.

Я хорошо помню свою прабабушку Таисью Марковну Салтыкову, в девичестве Костромину. Кстати её мать звали Маремьяной. Помню и их дом в Морже, на Яму (так называется деревня) рядом с церковью, большой, вернее длинный, с множеством маленьких окошек. Впоследствии он был продан. Бабушка Таисья была совершенно слепой, но нет, не с рождения, она ослепла уже в зрелые годы в начале на один глаз, потом такое же бельмо заволкло и другой. В нынешнее время её, конечно, вылечили бы. Сама она так объясняла свою слепоту. Тайком от мужа продала она мешок пшеницы, девкам, то есть дочерям надо было что-то купить. Когда же дедушка Ефим догадался, она поклялась: «Выпадите мои глаза на месте». Вот так и случилось. Вообще-то, бабушка была очень набожной. Высокая, статная до самых последних дней, с громким голосом, она всегда любила поговорить. Много лет и все последние годы жила она с одной из дочерей Агафьей. Всего у них с Ефимом Осиповичем было 5 детей, взрослых. Знаю, что одна из дочерей умерла в возрасте 19 лет, но и маленькие, наверное, умирали, это было тогда обычным делом. Сама она умерла, когда мне было 7 лет, а Лиде 10. При Лиде она и умерла. Была зима, у Лиды были каникулы, а тётя Агафья с утра до вечера пропадала на скотном. Бабушка же в те дни приболела, вот и привезли Лиду. Свои дочери тёти Агафьи к тому времени уже дома не жили. Это был 1946 год.

Гостить у тёти Агафьи в детстве мы очень любили. Да и попасть туда не было никакого труда. Мама тогда работала почтальонкой. За почтой она ездила на лошади, возила ещё и молоко, и хлеб привозила и ещё много чего, каждый день проезжая мимо тётиного дома. Каждый раз и заходила к ним в деревню Верхний Конец. У тёти была корова, она пекла очень вкусные шаньги: меловые, заспанные, картофельные и т.д., мастерицей была по этому делу. Насчёт названий. Жили мы у большой реки, и таких понятий, как север, юг, запад, восток просто не существовало. Говорили, сообразуясь с рекой, вернее с её течением: вверху, внизу. Морж очень большое село, как раньше, так и теперь деревень много. Первая, что ближе к Усть-Моржу и называется Верхний Конец, есть и Горка, и Рёлка, и Ергина, и Понизовье.

Так вот были у тёти Агафьи ещё и полати, каковые отсутствовали в нашем доме. Я и не представляю, как слепая престарелая бабуса взбиралась на эти шаткие доски под самым потолком. А спала она именно на полатах, теплее. В горницах зимой в то время не жили: дров надо много. При приезде бабушка всегда ощупывала нас руками, проводила рукой и по нашим стриженным головам. «Подросли», - говорила.

Вообще, она старалась не загружать Оганьку, так называла свою дочь. Бабушка Таисья сама одевалась, иногда и на левую сторону, сама ела за общим столом, самостоятельно ходила в туалет на поветь. Были у неё и подружки, часто приходили в гости. Одну из них Дарью Патракевну я помню до сих пор, очень колоритная была старуха. Часто бабушка гостила и у нас в деревне, тогда целый день в доме слышался её громкий голос. И однажды утром она пошла на поветь и упала с лестницы, так как в нашем доме не тёмные сени, а светлый коридор (2 окна) и лестница довольно высокая внутри. От шума проснулась мама, выбежала, бабушка тогда сильно ушиблась. Нас с сестрой она просила читать толстую книгу с крестом на обложке. Читать-то мы умели обе, но библия была на церковно-славянском языке, и мы, читая по очереди, едва выговаривали труднопроизносимые слова. «Что нарисовано?» - спрашивала ещё бабушка.

Агафья.

Муж тёти Агафьи погиб на войне. На воротах её дома была металлическая табличка с надписью «Чудиновъ», звали его Пётр. Младшая дочка Лида умерла в начале войны в возрасте 7-8 лет, две старшие сразу же после окончания школы (7 кл.) уехали в город. Обе вышли замуж. Александра жила в Северодвинске, у неё хохляцкая фамилия и двое детей: Сергей и Людмила. У Галины муж был с Усть-Моржа, даже какой-то дальний родственник. Дом их стоял напротив

нашего, бабушка или мать была Лукея, потому они Лукеичи, а фамилия Фёдоровы. Детей у них трое: Татьяна, Николай, Сергей. Галина умерла недавно, Михаил, человек очень мастеровой, на несколько лет раньше.

Тётя Агафья была самой красивой из всех четырёх сестёр: всегда румяное тонкое лицо, ровные чёрные брови, яркие голубые глаза и всегда гладко зачёсанные чёрные волосы. И характер у неё был самый лучший из всех: приветливая, добродушная, очень гостеприимная. Уже в немолодом возрасте она вышла замуж второй раз за вдовца. У Павла Семёновича было 5 детей, к тому времени уже взрослых. Самый младший учился в ФЗО. Новый муж увёз тётю Агафью на хутор Красная Горка, 8 километров от Усть-Ваеньги, где работал; помогал всем своим детям. Дочери же тёти Агафьи там не бывали, они по-прежнему приезжали со своими семьями в Морж. Тётя Агафья с Павлом Семёновичем были и на нашей с Василием свадьбе в деревне. Умерла она от заболевания щитовидной железы, Павел пережил её на несколько лет.

О храме.

Церковь в Морже стояла у самой дороги на пригорке, напротив её небольшой магазин. Была она высокая, деревянная, шатровая я думаю, хотя в этом мало понимаю, с маковкой. Между прочим, она часто снится мне во сне. Бывало, когда плывёшь из города на теплоходе-пароходе, увидишь с палубы церковь, значит, надо собираться, скоро пристань Усть-Морж, надо выходить. То есть, я хочу сказать, что видно её было очень далеко, даже с реки, через широкий луг, кусты, лес, остров. Но внутри, к сожалению, мы не бывали, на дверях всегда висел замок. Одно время в ней хранили зерно, потом удобрения, и в конце концов старая церковь сгорела, примерно в 1975 году, как раз на Новый год. Говорили, что подожгли подростки.

Мы три года ходили в школу мимо неё, с 5 по 7 класс учились в Морже, но зайти внутрь так и не удалось. Во сне же я вижу высокий, устремлённый в небо храм, а внутри, почему-то, не только иконы, но и лестницы. Все наши предки, родившиеся до советской власти, конечно, крещёны. В нашей деревне церкви никогда не было. Была она в Усолье, вернее, в его первой деревне Кривец. В наше время в ней была начальная школа. В жёлтом здании (сама церковь, когда-то обшитая и покрашенная жёлтой краской) 2 и 4 классы училась Лида. Там внутри было и не переделано почти ничего: одно большое помещение с высоченным потолком, некрашенные полы. А перед входом (крыльца не было) небольшое помещение, плита- печка, а в ней большой котёл. Другое школьное здание на самом угоре и фасадом не на деревню, а на лес, косогоры. Это бывший поповский дом. Низенькое крылечко, две

комнаты, в третью, небольшую, отдельный вход. В общем, обычный деревенский дом, здесь учились 1 и 3 классы. Здания располагались на самом краю деревни и не близко друг к другу.

В деревне варили соль, речка-то Усолка. А основал первые солеварни (колодцы), будто бы Рязанский купец, поэтому вся местность называется Рязаново. Была Рязановская начальная школа, Рязановский сельсовет, который был всегда в Усть-Морже. Теперь лишь остался посёлок Рязаново, куда переехали большинство усол. Об этом написано в повести «Вот моя деревня» и в некоторых рассказах, а сейчас это просто отступление, не совсем к месту.

Апполинария.

Старшая дочь бабушки Таисьи смолоду жила в городе, то есть в Архангельске: говоря «город» только его и подразумевали. Как не называли и Двина, Северная Двина, говорили просто река, и было ясно, что это не Усолка, например. Кто был мужем тёти Поли, не знаю, а фамилия её была Точилова. Совершенно неграмотная, она всю жизнь работала уборщицей, посудомойкой, в том числе и на заводе «Красная Кузница». У неё было две дочери: Евдокия и Наталья. Дуся была на войне, там познакомилась со своим будущим мужем. Он был фотограф. После войны они остались на родине мужа в городе Николаеве, она тоже работала в фотографии. Наталья, по-деревенски Таля, её так и звали всегда, любимая кузина моей матери, они всю жизнь дружили.

У тёти Поли была маленькая комнатуха, в которой каким-то образом умещались кровать, комод и маленький столик. Жила она на той улице, по которой раньше ходил трамвай, по-моему, улица Левачёва. Если ехать от самой Красной Кузницы, то площадь Терёхина надо проехать. Направо двухэтажный дом, внизу всегда был продуктовый магазин, вход в него у самых трамвайных путей, а с боку вход на второй этаж, и через тёмный коридор заходили к тёте Поле. Я была у неё в детстве с мамой. Так случилось, что была у неё и на похоронах, я тогда училась в медицинском училище. Похоронена тётя в Соломбале.

Тётя Наталья, добрая, очень гостеприимная, внешне совсем не походила на своих двоюродных сестёр: русоволосая, курносая, сероглазая. Замуж она вышла за моряка, потомственного соломбальца и стала Смолиной. Детей у них было трое. Две девочки, Тамара и Нина родились ещё до войны, и были гораздо старше нас с сестрой. (Их семью я подробно описала в рассказе «Не брани меня, родная»). Жили они на улице Кедрова, д.7, в небольшой коммунальной квартире двухэтажного дома. Тамара окончила фармацевтическое училище, Нина —

педагогическое. Жизнь красавицы Тамары не сложилась (не родись красивой...), по мужу она Шевченко. Она зашла, и жива ли сейчас, не знаю. Жила она в Балаклаве. Нина по мужу Калинина, у неё двое детей: сын и дочь, живёт в Соломбале. Бывала и у нас в деревне, а когда мы жили в городе, не раз встречались у её родителей.

Дядя Шура, Александр Григорьевич Смолин, очень колоритная фигура; любил выпить, любил бывать в деревне, прекрасно пел. Работал после войны на Маймаксанской судовой начальником отдела кадров, где 5 лет работал и мой муж. Прозвище у него было «Спутник», у него до последних дней была любовница, по прозвищу «Козлиха», работала там же. Дядя Шура работал долго, а как на пенсию вышел, так через год и умер от рака желудка.

Повторяюсь, тётя Поля жила одна, у неё было высокое давление, к тому же преклонный возраст. Криз случился ночью, её стало рвать и, чтобы не напачкать, она спустилась на пол, а может, упала. Так её и обнаружили через несколько дней. К дочери Наталье она ходила часто, притом пешком, да и та её навещала. А тут несколько дней не была. Младший сын Смолиных Витька, баловень родителей, которого Наталья родила, будучи за сорок, перенесла до этого две операции по поводу внематочной беременности, пошёл в школу, да в то время сломал руку. То есть хлопот у тёти Тали было полно, и про бабушку как-то забыли. Того дома, где мы все часто бывали на улице Кедрова, уже нет. Там стоит девятиэтажка. Тёте Тале дали квартиру где-то в новых домах. На похоронах Лиды она была с Ниной, а сама она умерла после нашей бабушки Анны.

Витька сначала плавал, потом женился и, оставив четырёхлетнюю Свету, разошёлся. Потом женился на неке, тётя Талья её хвалила. А жена его первая вышла замуж за старого мужчину.

Ирина.

По-старому Иринья, свои звали её тётя Ириша, дочь бабушки Таисьи самая, скажем так, интеллигентная из всех, самая городская, всю жизнь жила в городе. Кто был её первым мужем, я не знаю, но дочь её Нина Павловна всегда жила в Ленинграде. Вторым мужем тёти Ириши стал Николай Александрович, человек очень положительный и серьёзный. Корни его в Усть-Морже, это его дом стоял когда-то напротив нашего (Лукеичи), жена его умерла рано, оставив пятерых детей. Когда они поженились с Ириной, дети были почти все взрослые. Я знала троих. Один из них Михаил, зять тёти Агафьи (тут и двойная родня, то есть

дети двух сестер поженились, правда, одной из них сын не родной). У Михаила был брат Леонид, он был инвалид войны, ходил с палочкой, работал в АЛТИ в какой-то лаборатории. Ещё был Валька, самый младший, он одно время даже гопничал (гопниками называли хулиганов и воров). Все трое в моём детстве были уже взрослыми, в деревню в то голодное время приезжали часто, гостили у бабы Зины. Николай Александрович в своё время в Соломбале, то ли в Первой деревне, то ли в Новой, построил большой дом, где вместе с ним под одной крышей, но в своих квартирах жили и сыновья. Был у них и свой огород, и даже коз одно время держали. Знаю, что в доме этом была и баня, где-то в подвале. Михаил, делавший нам в детстве колечки из денежек, сам построил себе катер, на котором приехал в деревню, и каракат, на котором ездил в последнее время. В том необычном доме в детстве я бывала. Помню, тётя Ириша угостила меня редиской, я отказалась. В деревне тогда не выращивали не только редиску, но и морковь. Некогда было заниматься таким баловством, нам картошки побольше нарастить, да сена натаскать. Николай Александрович болел, у него много лет была язва желудка, и умер он раньше. Тётя уехала потом в Ленинград к дочке и похоронена там. Дочь, Петрова Нина Павловна, Жила в Ломоносове, мама у неё бывала, когда ездила в Ленинград в Дом отдыха, и по её просьбе бывала у Нины и Люда. Тётя Нина Люде понравилась. Кстати, их единственная дочь тоже Людмила. С мамой Нина переписывалась до последних дней. Адрес у меня где-то был.

Тётя Ириша тоже была худощавой, с пышными русыми волосами, какой-то щепетильной что ли, нигде не работала. Помню, как она приходила к дяде Антону в гости, любезничала с Валентиной Константиновной, заходила к нам в комнату. На мне был синий в цветочек халатик, обычный, так сказать.

- Ну, Рима у тебя и вкус!- изрекла.

Да какой мог быть вкус у семнадцатилетней деревенской девчонки! Лучше бы спросила: ела ли я сегодня? Стипендия у меня была 16 рублей, из дому, когда пошлют 10 рублей, а когда и нет. В училище у нас был буфет, там я худо- бедно как-то обедала, а на квартире у дяди никогда ничего не ела. В другой раз она так зашла к нам, а в нашей комнате стояло три кровати, девочки дяди Антона, школьницы. Как всегда о чём-то спорили, а я сидела за учебниками. Она осмотрелась и говорит:

- Рима, и у тебя пододеяльничек, молодец, Даниловна,- похвалила она мою мать. Да, мне была поставлена узенькая низкая железная кровать, и из дома было привезено узкое ватное одеяло – мама сшила специально. К дяде Антону никто, кроме тёти Ириши из родни не ходил, не любили его жену тётю Валу.

Вот такая была тётя Ириша, одна из сестёр бабушки.

АНТОН.

Самый младший из детей бабушки Таисьи, единственный мужчина из родни со стороны бабушки Татьяны, её брат. На имя своё обижался всегда, говоря: «Поросёнка мать назвала Мишкой, а меня Антоном». Не знал, что через много лет это имя будет так популярно, как и Даниил, Денис, Илья, например. Характер у дяди Антона был отличный: был он весёлый, добрый, разговорчивый, в общем, компанейский. Для матери надежда и опора, самый любимый. Бабушка Таисья несколько раз уезжала к сыну в город, вернее, её увозили, так как к тому времени она была уже совершенно слепая, и опять возвращалась к Агафье. Первая жена Антона Лида, была, говорят, неплохой женщиной, и двое детей было мальчик Гена и девочка, но жизнь у них не сложилась. «Слишком ревнивая была», - говорил дядя Антон. Был он, как и все, высокий, голубоглазый, с крупным носом. Впрочем, всех своих я уже помню в немолодом возрасте, ведь это сёстры и брат бабушки, а не матери.

Антон был ровесником моего отца, любил выпить, за что и страдал. Смолodu Антон поучился в Москве, но институт не закончил. Работал в прокуратуре, одно время даже был областным прокурором, в последние годы работал в милиции. На войне не был. Жил вначале в Вилегодском районе, там второй раз и женился. Приехала в район молодая врачиха, да хоть бы красавица, а то маленькая, невзрачная, черты лица мелкие, а уж характер – не приведи Господь. И угораздило дядю Антона на ней жениться! Неделями, месяцами могла не разговаривать, сердиться. Родились у них одна за другой две дочери Алла и Нина, старшая похожая на отца, младшая на мать. Потом семья переехала в Архангельск. Была у них двухкомнатная квартира на первом этаже двухэтажного деревянного дома, как считалось с удобствами: тёплый туалет и ванна с дровяным титаном. Ванну не разу не топили, так как весь дым шел в квартиру. Туда на Вологодскую, 57 любили приезжать родственники, только вот Валентина Константиновна не очень их жаловала. Она работала врачом – невропатологом в поликлинике МВД. Как-то летом они отдыхали у нас в деревне всей семьёй, вот мама и договорилась, чтобы я пожила у них зиму. Я поступала тогда в медучилище. Тот год для меня был очень трудным, я очень плохо сходилась с незнакомыми людьми. А тут две очень бойкие девочки – школьницы, которые постоянно между собой ссорились и дрались. Дядя Антон и тётя Валя всегда ругались, она сердилась и не разговаривала. Дядя Антон придёт с работы веселенький, выпивши, скажет: «Ну, Валя, ну что ты, ну выпил я с мужиками пива у

ларька, ну что в том такого?» Иной раз возьмёт её на руки и унесёт в свою комнату. А она могла и месяцами его не кормить и не спать с ним. Чаще всего она хлопнет дверью и уляжется на кровать с младшей.

С какой радостью я ушла на следующий год в общежитие, пусть старое и худое, и много дальше от училища (ул. Комсомольская, 35), и жило нас в комнате 6 человек, в первый год учёбы его не давали. Дочери дяди Антона подрастали. Старшая Алла, с пепельной толстой косой и голубыми глазами собиралась стать артисткой. «Я Алла Соленкова», – говорила она, кривляясь перед зеркалом. Но вначале пыталась поступить в медицинский, причём дважды, не поступила. В школе-то обе учились хорошо. Но тут нежданно-негаданно пришла большая любовь. Парень, сын большого военного чина, жил в то лето один. Алла сначала со своей подружкой Стелой зачастили к нему, а потом она уже одна поселилась у друга. В результате, приехавшие предки быстро разобрались в ситуации. Сын был отправлен к родственникам в другой город, через какое-то время отбыли и родители, а у Аллы родилась дочь Катюша. Потом Аллочка (так её звали родители) поступила в АЛТИ и даже окончила его, но нигде не работала. Она запила по чёрному. Родителям дали благоустроенную однокомнатную квартиру в том здании, где магазин «Помор», а Алла осталась на Вологодской. У неё ещё и сын родился, Сергей. Катю воспитали дед с бабушкой Валея. Я лично Катю не видала, а бабушка Анна говорила: хорошая девушка, с косой, работает медсестрой. Как фамилия, отчество не знаю, может и не Салтыкова. Нина тоже окончила АЛТИ, вышла замуж за знакомого парня. Его отец работал там же, где и дядя Антон, в МВД, что на бывшей улице Энгельса, за почтамтом. Но разошлись, как её фамилия не знаю, а работала она где-то в Маймаксе на лесозаводе. Про Аллу же в последний раз рассказывала Лида, говорила, что видела её на базаре; лицо испитое, размалёванное, старое. Подошла она к чёрному торговцу (армянину), тот обрадовался, закричал на ломаном русском языке, о чём-то стали договариваться – видно знакомы. Лида прошла мимо, и было это, значит, более 30 лет назад.

Дядя Антон был на похоронах нашей Лиды, пытался ещё шутить. Он и в Шенкурске здесь бывал, Люды ещё не было. Тогда здесь случилось ЧП: в банке на посту ночью застрелился милиционер, ещё и мой бывший однофамилец Бессонов. Вот и приехал Антон Ефимович в командировку. Остановился в гостинице, пришёл в гости к нашему начальнику милиции, за бутылкой разговорились, и спросил он у Кудрявцева В. И.: «Где-то тут моя племянница живёт?» А тот ещё уточнил: «Она в очках? Ну, тогда она моя соседка». Сам-то, между прочим, наш начальник милиции, наш Владимир Ильич всю жизнь ходил в очках. Пришёл дядя Антон и к нам, а

за ним и две маленькие соседки-дошкольницы бегут. «Дяденька Антенна!»,– кричат. То есть он уже и с детьми познакомился, и со старой бабушкой Татьяной Петровной, которая ещё и землячкой оказалась. У нас посидел, наша Лена тогда в школу ходила. Сказал, что надо купить ей лыжи и велосипед (будто бы не было). А про вдову застрелившегося, по поводу которой и приехал в командировку, сказал: «Хоть бы красивая была, а то рыжая, да ещё с детьми, замуж ведь не выйти». А она-то как раз и вышла, и к своим двум детям родила ещё троих.

В деревню приезжал часто, и к нам, и к тёте Агафье. И умер так же тихо и спокойно. Легли спать, дядя Антон на своё кресло. «И кровати у бедного не было»,– посетовала потом бабушка Анна. Разговаривал с тётёй Валеёй, потом смолк. «Уснул»,– подумала она. Потом он вдруг захрапел. Она ещё подождала, потом встала, включила свет, подошла, а он уже не дышит. Мама на похоронах была, причём неожиданно- нежданно встретила там и со своим зятем Юшиным, мужем внучки, с которым уже несколько лет жила в одной квартире. Тот работал вместе с дядёй Антоном и не знал, что он нам свой. Кстати Юшин работал в одном кабинете и с упоминавшимся только что Кудрявцевым В.И., бывшим нашим начальником милиции и нашим соседом. «Во какие у меня были соседи!»–сказал он как-то, показав большой палец. Умер несколько лет назад и Владимир Ильич, там в Архангельске. В Шенкурск приезжал на охоту, здесь его средний сын живёт. Старший, что учился с Леной, и каждый день приходивший к нам с вопросом: «Ленка, что задано?», стоматолог в Долматове, младшая дочь вышла замуж за следователя.

Тётя Валя ещё сколько то жила, бабушка Анна к ней ходила, теперь уж умерла.

Татьяна.

Вот и до нашей родной бабушки добрались, по рождению она была второй после Апполинаруи, на сестёр похожа. В первый раз я её увидела, как она шла по деревне от колодца, неся вёдра с водой на коромысле; высокая, прямая, в белом платочке и красном фартуке. Воду на коромысле не носил никто, хоть колодец и был далеко, на самом краю деревни. Мужа своего не любила, даже имя его Данило не нравилось. Хотя дедушка по всему был хоть куда. В доме где-то хранилась единственная фотография, где дед ещё был молодой, неженатый, и сёстры, в частности Афанасия в платье с белым воротником, то есть вся семья. «Неразговорчивый, молчаливый больно»,– говорила бабушка. Пожила бы она с теперешними говорунами- пьяницами!

У бабушки с дедом было 8 детей, старшая моя мама, через два года Павла. Затем один за одним появлялись мальчики, были даже близнецы, и все они умерли во младенчестве, один дожил до четырёх лет. «Выпала середина-то»,— говорила бабушка. Потом появились ещё две девочки: Фаина и Валентина. Семья не была бедной, имели три коровы, два коня, овец. Кроме работы по дому, дед ловил рыбу, любил ходить в лес. Дед долго не вступал в колхоз, а вступив, работал также хорошо, и вскоре был назначен бригадиром. Бабушка в колхозе не работала, детей у неё было много, и деда она всё время пилила, что работает на других людей, звала в город. В конце концов, в город они и переехали с двумя младшими дочками. Старшая к тому времени уже была замужем, а Павла училась в Архангельске. Дед стал работать на второй лесобирже (потом это четырнадцатый лесозавод), и комнату им дали. Девочки ходили в школу, и бабушка где-то успела поработать уборщицей. Но тут началась война, голод, бомбёжки. Дед, конечно не раз пожалел, что выехал из деревни. Там прокормиться было легче, и при первой возможности приезжал в свой дом, где жила старшая дочь с детьми. В один из приездов я и запомнила его. Это отражено в одном из моих рассказов: «Сорок третий». Бабушка Татьяна после смерти деда не могла придумать ничего лучшего, она сама уехала жить к брату Антону в село Ильинско-Подомское. Одну из младших дочерей определила к сестре Анне в деревню, а самую маленькую, ей было всего 9 лет, увезла средняя сестра Павла, переехавшая к тому времени в Астрахань. По сути дела дети в одночасье лишились отца и матери, так их ещё и разлучили между собой. Валя, младшая, увиделась со своей матерью только лишь лет через 20. У дяди Антона родилась тогда дочка, а через год-два вторая, вот и нянчилась бабушка с племянницами. Именно тогда она ещё и зрения наполовину лишилась, ходила за вениками и махнула веткой по глазам, после чего один глаз у бабушки не видел. Именно тогда она ещё и зрения наполовину лишилась, ходила за вениками и махнула веткой по глазам, после чего один глаз у бабушки не видел. Но племянницы подросли, семья дяди Антона переехала в город, там, в двухкомнатной квартире, она, конечно, была лишней. И бабушка через много лет вернулась в деревню, тут мы, её старшие внуки, с ней и познакомились.

Она рано поседела, волосы её были какими-то совершенно жёлтыми, потому всегда ходила в платочке. Незрячий глаз был неподвижен, да и другой видел не слишком хорошо. Между тем бабушка любила поговорить и посмеяться, хорошо и красиво одеться, была всегда аккуратной и чистой: белый платочек на голове, чистый фартук, яркая кофта. Было ей уже далеко за пятьдесят, и ничего за душой, лишь небольшой чемоданчик с бельишком. А тут в Морже, на родине её, при

школе организовался интернат, то есть обыкновенное общежитие, где жили дальние ученики. Туда определили и нашу Лиду, она пошла в 5 класс. Бабушка с радостью согласилась там работать, там и жила в маленькой комнатёнке. А работы было полно: вымыть полы в 5-6 комнатах и в коридоре, вытопить столько же печек, причём дров-то надо напилить и наколоть, принести воды из дальнего колодца, приготовить более 10 ламп, электрического света ещё не было. Вечером приходил кто-то из учителей – воспитатель, а на ночь она оставалась единственным взрослым человеком среди детей. Многие ребята не уходили домой и на выходной, слишком далеко жили. Да и помочь бабушке никогда не отказывались. Управлялась она со всем превосходно, за работу её всегда хвалили. И дочь старшая навещала каждый день (мама по-прежнему возила в Морж молоко и забирала почту). Все дети её так и называли бабушкой. Её, совершенно неграмотную, они же научили читать, но расписываться она так и не научилась. Бабушка повеселела, приободрилась, принарядилась. У неё появились подруги. К одной из них, Оксенье Батарее, она часто ходила в гости. Прозвище «батарея» тут не от тепла, а скорее от войны. Бабушка наша даже замуж засобиралась...

Я тоже прожила в том интернате три года, какое-то время вместе с бабушкой в её комнатухе, и вместе с ребятами в одной большой комнате. Два года мы учились вместе с сестрой, например я в пятом, а она в шестом классе, я шла следом, хотя разница у нас 3 года. И надо сказать, никогда бабушка нас не приласкала, ничем не угостила, ничего не рассказала, не о чём не спросила. Учились мы хорошо, а она была к нам, старшим внукам, совершенно равнодушной.

А тут у Фаины, недавно вышедшей замуж, родилась девочка, а мужа к тому же взяли в армию. Жила Фаина на то время в Репаново. Уж как не хотелось бабушке уезжать из Моржа, но всё-таки поняла, что «молодость» её не вечна. С тех пор и до конца своих дней жила она с семьёй Фаины, вынянчила 6 её детей, ведь садиков в деревне нет, и не было. Бывало, и капризничала, и сердилась, показывая свой характер. Из дочерей больше любила старшую Анну. Имела на всё своё мнение, с зятьями никогда не ссорилась. Бабушка не была ленивой, всю жизнь работала, а вот пенсию не получала. «Каково жить без своей-то копеечки!», – горестно говорила она. Да, бывшие подруги, работавшие в колхозе, хоть по 8–12 рублей, да получали. А ей, неграмотной, никто не помог собрать справки, всё равно не хватило бы стажа, говорили. В этом должен бы помочь прежде всего брат Антон. А он, приезжая в деревню, ещё просил: «Татьяна, дай хоть пятёрочку». Конечно, дочери всегда

покупали, что надо, и всё же, и всё же... Жена Антона, врач, могла бы подсказать, как получить инвалидность.

Да, наша бабушка была совсем не такая, как у наших подружек. Она, например, совсем не верила в бога. «Нету Бога-то, девки, нету»,— утверждала она. Любила ребят, парней. «Что девки-то, зачем они? А вот ребята надо». И, слава Богу, последние её 5 внуков — мальчики. Ребята были черноватые, черноглазые, «чиганы»— называла их бабушка. Умерла бабушка в возрасте 77 — 78 лет в ноябре, в Усть-Морже. Рядом находился последний пятилетний внук, все остальные были в школе и на работе. «Бабушка тяжело задышала, потом откинула руку и затихла»,— рассказывал Юра. Помню её в то последнее лето. Часто заходила в наш дом, дома-то рядом, крыльцо к крыльцу, а мы отдыхали в деревне. От еды, от чаю отказывалась одним словом: «Не хочу». «Не ревите, как умру, а пойте и пляшите, зареченок-то позовите». А сама уже была очень худая, ничего не ела. Каждый день ходила в поле за травой. Жала в кустах, в шиповнике. «Не носи бабушка тяжёлый короб, оставь в кустах, я пойду из леса и принесу»,— наказывала я. А осенью бабушки не стало, умерла от рака желудка. Денег я смогла послать лишь раз отсюда, из Шенкурска, на день рождения — Татьянин день. Внуков у неё было 10.

Павла.

Год рождения 1917. Самая красивая из всех маминых сестёр, по моему. Высокая, стройная, тёмноволосая, с бархатными чёрными бровями и синими пресиними глазами. Опять же насчёт имени: по святцам родители крестили. Родители звали её Палькой, подруги Паней. А маму вот в детстве звали Нюней, иногда Нюсей, пока не приехала одна из тёток и не поговорила с ними. Во всяком случае, Аней её не звал никто: Нюра, Нюрка. Серёжу звали Серьгой, Евгения Енькой, одним словом, деревня. Тётя Паня перед войной окончила фармацевтическое училище, в те времена это было много. Определили её на работу в эвакогоспиталь (номер какой-то у него был), сначала располагался он в Архангельске, потом был переведён в Няндому. Там и познакомилась со своим будущим мужем. Матвей Данилович Паюсов работал в госпитале рентген-лаборантом. Первая девочка, родившаяся у них, умерла от дизентерии в возрасте нескольких месяцев. Вторая, Эмма, родилась в августе 1942 года. Зимой, в январе — феврале 1943 года бабушка Татьяна уехала в Няндому в гости, может, внуку посмотреть, может, тётя Паня позвала. И в это время девочки Фаина и Валя потеряли хлебные карточки. Они ведь выдавались на месяц, значит, семья осталась без средств

существования. Это было в городе, зимой где что взять. То, что было и было ли, дед отдавал детям, сам голодал. Потому и умер он на дороге, на снегу, возвращаясь вечером с работы в метельный февральский день. Присел прямо на тропинку, а к утру и снегом занесло. В Няндоме жила и бабушка с Валею после похорон деда, даже работала сколько-то в госпитале. В дальнейшем госпиталь реорганизовали. Дядя Тима, так свои называли Матвея Даниловича, был родом с Вологодчины, но родных у него уже в то время не было, только племянники. Был он белокурый, сероглазый, очень интеллигентный, не пил и не курил. После смерти Павлы Даниловны, а она умерла, когда ей не было и 40, он женился через год на медсестре. В больнице ведь работают одни женщины, так что невест навалом. Тётя Женя была моложе его, замужем не была. Через год у них родилась дочь Марина. Всё вроде было хорошо, Эмма жила с ними, училась. После окончания института её направили на Урал в город Серов. А Евгения вдруг начала ревновать свою дочь десятиклассницу к отцу, и они разошлись. Хотя ничего плохого о тёте Жене не говорили. Дяде Тиме к тому времени уже было около 60 лет, он познакомился по переписке и женился в третий раз, уехал из Астрахани в Волгоград, там и умер. Да, дядю Антона Валентина в людях звала культурно Анатолием, может, поэтому и Матвей – Тимофей.

Тётя Паня обнаружила свою болезнь сама, однажды нащупав опухоль в животе. Забеспокоилась, настроилась на операцию, которую собирался ей делать профессор. Почему-то операция была назначена на второе мая, это же всегда был выходной. Но профессор на операцию не пришёл, делал её доцент, армянин. Вскрыв брюшную полость, он перерезал селезёночную артерию, кровь брызнула в потолок, а врачи, видимо растерялись. Тётя Паня умерла, так и не выйдя из наркоза, на операционном столе. В деревню телеграмма пришла, но доехать всё равно бы не успели. Я училась тогда в 10 классе, узнав, заревела, и весь день пролежала, наклонившись головой на парту. Не потому ли и ударилась в медицину, ведь и врача то в глаза не видала, разве что фельдшера в детстве. А потом нам пришло письмо, его писала сама тётя Паня перед операцией, оно долго хранилось у нас в шкафу. Она писала: «Нюра, если я умру, приезжай сюда и наведи здесь порядок». О беспорядке беспокоилась то бедная. А диагноз у неё был – киста селезёнки, с которой и всю жизнь могла благополучно прожить. И вот, окончив школу, (Лида тогда уже училась в городе) вместо того, чтобы готовиться к поступлению, я приняла от мамы группу коров, 14 голов, она тогда работала на скотном. И доила этих коров почти месяц. Мама, нигде не бывавшая до этого, поехала в Астрахань. Пять дней ехала на поезде. В Москве её встретил Николай, муж Фаины, он там служил, там

пересадка. В Астрахани встретили, там был в семье полнейший траур. Матвей Данилович работал, а Эмма целыми днями сидела на диване с маленьким котёнком в руках. Она окончила тогда 7 классов. И в институт я в тот год не поступила. Валентина в то время после окончания техникума уже работала в Хабаровском крае. Эмма, став взрослой, оказалась совсем не такой, как её родители. В последний раз я её видела, когда ей было 7 лет, а мне 10. Я повторяюсь, сказав, что они после войны приезжали к нам в гости каждый год без Вали, она оставалась на хозяйстве, скучали по северу. Похожа Эмма на отца, рослая, меня была больше, с очень густыми светлыми волосами, бойкая. Как только мы не играли тогда, она во всём была заводилой. О том есть мой рассказ «Эм в квадрате». Одевали её как куклу. Мы, пока были детьми, переписывались, причём первые письма она писала печатными буквами. Они присылали замечательные фотографии, где были такими красивыми, ну и посылки с гостинцами и подарками. Эмма, окончив экономический институт и отработав 2 года на Урале, вернулась домой, вышла замуж за соседа, с детства к ней равнодушного. Фамилия её какая-то необычная, вроде Веремецко. Адрес мне давала Валя, хорошо помню: улица Савушкина. А писем, сколько бы я не писала, она не на одно не ответила. Все сведения только от Валентины.

Так вот, в последний раз я писала Эмме, когда умерла мама, звала в гости, говорила, что есть ещё Фаина и деревня осталась. Адрес был точный, ведь Валя до последних дней держала с ними связь, это теперь он затерялся. На что она сердится, непонятно. Ведь мы тогда ещё были детьми, и я в 17 лет была ещё ребёнок. Когда мама приехала тогда из Астрахани, она привезла от тёти Пани единственное старое тёмно синее платье, из которого мне сшили сарафан, ведь я готовилась ехать в город учиться, а в чём? Бабушка Татьяна тогда сказала: «Ну и скупящая Эмка!» Да ведь, может, они с дядей Тимой просто не знали и не догадались, что надо что-то подарить на память хотя бы матери-то. Эмма вроде попросилась в гости, а бабушка отказала, сказав, что не надо приглашать. А кто об этом знал? Рассказал? Да никто, кроме Вали с ними после смерти Павлы Даниловны не общался. Валя часто ездила в деревню, ездила и к Эмме, и та к ней, Волгоград от Астрахани не столь далеко. Так что только Валя разлучила нас на всю оставшуюся жизнь. Не мама, не Лида, не я не имели к этому никакого отношения. Мама всю жизнь не делала различий между нами дочерьми и сёстрами, она чужих-то всегда старалась приветить. А сколь была гостеприимна Валентина, тоже отлично знаю, дважды у неё побывали. Но, может, Эмма помнит из детства нас, как бедных деревенских родственников, и не хочет общаться. Да, посылали они посылки, даже материал на наши с Лидой выпускные

платья, штапель, послала ещё тётя Паня. У Лиды было красивое светло зелёное, вернее салатного цвета, в мелкий цветочек. У меня белое, и цветочки оказались голубыми и серыми птичками. Причём качество того первого штапеля было отличным. Но ведь и мама в долгу никогда не оставалась, посылки с сухими грибами и клюквой посылались регулярно, разве что подарков никаких. Я же после всех этих неудачных попыток связаться с Эммой, утешалась одним: выйду на пенсию, съезжу. Но, увы, по Двине-то так и не удалось доплыть до Котласа, какая уж тут Волга; в деревню бы выбраться, на родительские могилы сходить. В «Жди меня» обратиться? Дорого, говорят, да и захочет ли она меня видеть. А ведь 61 год прошёл со дня нашей последней встречи. Но ведь, например, приглашали меня в передачу «Малахов+», не поехала, а теперь и передачи той нет. У Эммы есть дочь Инна, и жива ли она сама, не знаю.

Валентина.

Самая младшая мамина сестра, 1934 года рождения, внешне очень на неё похожая, но по жизни, по характеру совсем другой человек, я бы сказала не наш. Как вспоминали сёстры, в детстве очень долго не говорила. Уронили её малолетние няньки из окна. Выпало ей на долю суровое военное детство, строгое воспитание в юности: встречаться с мальчиками не разрешалось. Окончила Астраханский рыбный техникум, и была отправлена на работу в Хабаровский край, рыбозавод «Тагоян». Замуж вышла в 35 лет за разведённого, имевшего дочь Надежду. К тому же Виктор был моложе её на 5 лет, такой же высокий, здоровый, но пьяница. У Вали уже после 30 лет обнаружился вдруг туберкулёз лёгких, после лечения отправили её в санаторий. Там приглядела её будущая свекровь, она там работала. Валентина успела ещё и родить сама. Саша Урусов 7 мая 1970 года рождения учился и работал в Волгодонске, сейчас, по-видимому, в Волгограде. Дважды ездили мы в гости к Вале. В первый раз в 1968 году, Люды ещё не было, в Нижний Чир, второй раз тоже втроём без Лены в хутор Суворовка на своей машине, без приглашения, напросившись.

Помню, как увидела её первый раз, тогда она выехала из Хабаровского края. Именно я встречала её на железнодорожном вокзале, волновалась, что не узнаю. Привела её в своё убогое общежитие, где она и ночевала. Но вот такой обоюдной симпатии не возникло, не знаю почему. Повторяюсь, я трудно схожусь с незнакомыми людьми. Валя хотела устроиться в городе, но сам Архангельск ей не понравился, и

работы не нашла. Погостила в деревне, свиделась со всеми родственниками и уехала обратно на Волгу. Устроилась там у Цимлянского моря. Кстати, когда мы гостили у неё, могла бы и Эмма приехать туда или нас пригласить, ведь это близко, а так хочется побывать на могиле тёти Пани, Ведь именно ей читала я в детстве свои первые стихи. С Валентиной мы с той первой встречи долго переписывались, вплоть до того, как засобирались туда в третий раз. Она в последние годы сумела построить в Волгограде свой дом, но пожила в нём мало, умерла в 60 лет от рака мозга. Виктор пережил её на несколько лет. Сашка женился, разошёлся, последнее время жил с дочерью десятиклассницей.

Фаина.

Она, имеющая 6 детей, работавшая всю жизнь на тяжёлой работе, намного пережила своих сестёр. Меня старше на 10 лет, тётей никогда её не называли. В период моего раннего детства она воспитывалась в нашей семье, её все так и звали Фаинка Бессонова, думая, что она дочь, а не сестра моей мамы. Помню, лежим мы все на печке, а там, как всегда, сушится зерно, ячмень. Мы выбираем из него редкие горошинки или овсинки, чертим на нём пальцем круги и говорим:

–Мне завтра мама вот такой каравашик испечёт!

–Мне кока завтра вот такой каравашик испечёт! – говорит Фаина, и очерчивает круг ещё больше. Маму она звала в детстве кокой, то есть крёстной, разница в возрасте у них 14 лет.

Помню место действия то же – русская печка, мы разговариваем, как нас будут звать в старости: бабушка Лида, бабушка Фаина, все смеёмся. Давно уж все прабабушки, и несколько не смешно, одна Лида осталась навсегда молодой.

Помню Фаину подростком, то она моет полы, некрашенные ещё, шоркает их с дресвой веником- голиком то ногой, то руками. Мы, чтобы не мешать, опять же на печке (всё детство там и провели). То белит с мамой потолок, то моет рамы – генеральная уборка к Пасхе. И на колхозной работе: мы, ещё маленькие ,бороним на лошадях поле, она с Михаилом, Николаем или ещё с кем-нибудь пашут. Мы возим сено на пожнях, они с молодёжью косят на той стороне Усолки. А вечером на своей усадьбе окучиваем (по-нашему нарываем) картошку, полем, косим, жнём, копаем, молотим, мелем и т.д. Помню её и невестой, она со своими бойкими подругами в сшитой мамой жакетке, в белом беретике, опять же самими связанным, из под которого выбиваются её русые, вернее

пепельные, слегка вьющиеся волосы, волосы. У неё никогда не было длинных кос, не маялась с заплетанием, когда не было ленточек. К сожалению, педучилище в Емецке она не закончила. Как переживала мама, даже стучала её по спине лопатой – шаньги пекла. Вот и Валя, останься она в деревне, вряд ли бы выучилась, может бы вышла замуж пораньше, да была попроще. Фаина поучилась где-то на курсах и стала работать на маслозаводе. Завод это сказано громко, молокоприёмный пункт точнее. Но на Моржегорский молоко свозилось со всей округи: с колхозных ферм и от частников; и с Усолья, и с Усть-Моржа (возила мама), даже с Почтового. Сепаратор и маслобойку крутили вручную. Зато, какое вкусное было масло! Я пробовала в детстве, но не могла и с места сдвинуть ручку этого сепаратора. Женщины обычно крутили его вдвоём. А сколь тяжела была фляга с молоком, 36 кг, по-моему. Да её ещё надо было вытащить и затащить в помещение, а нашем случае поставить на телегу и снять. Кто из начальников мужиков пробовал это? Да хотя бы поднять выше головы ведро с молоком, чтобы вылить в сепаратор и не пролить – ведь не вода всё же. Вот на такой тяжёлой работе была наша Фаина все молодые годы – в Морже, в Кальях, в Репанове. А мы ездили к ней в гости летом.

У Николая в семье было 9 детей, он средний. Младшие его сёстры Нина и Валя Романковы – наши подруги в детстве, Рудные (Роман их отец). Отец и мать их умерли уже после войны в один день от голода, младшая Женя ещё в школу не ходила. Их с Валею отдали в детдом. Старшая Анна тогда уже работала, но жила далеко. Остальных судьба разметала кого куда. Какое-то время Нина, подросток, жила в холодном доме и на какие средства, одному Богу известно; мы, дети, вечерами тёмными и длинными часто собирались у неё. Рядом с нашим стоял дом Сергея Осиповича, вполне благополучного, на войне не бывавшего, родного брата матери детей Романковых Ольги. Да и родная бабушка их была ещё тогда жива.

То, что Николай женится на Фаине, мы, дети, и предполагать не могли, она ещё его и старше была на один год. Помню, как родилась их первая дочка Таня у нас в доме, в задней горнице. Мы тогда были на каникулах, зимой в конце декабря, побегаем, побегаем на улице, да опять домой, деваться то некуда. Наконец-то услышали детский крик. Это уж потом построили они свой дом рядом с нашим, а Фаина, как и Николай, стала работать на запани Хетово. Мы к тому времени дома уже не жили. Николай оказался человеком хорошим, работающим.

Анна.

Про свою мать я, конечно, писала и не раз. Была она человеком удивительным, таких теперь нет: общительная, доброжелательная, отзывчивая. Всех жалела, все у неё были хороши и «бедны» к тому же. Напишу только некоторые свои воспоминания. Например, она и все сёстры больше хвалили отца. «Тата у нас был хороший», – говорили, называли не папа, а тата. Но между тем вспоминала, что в детстве её за какую-то провинность закрывали на ночь в тёмный подвал. Это ребёнка-то! Всю жизнь мечтала мама походить в туфлях на каблуках, так и не удалось. Куда идти на каблуках в деревне, да и ростом высока, а муж маленький. В молодости нравился ей парень Сергей, был он из семьи высланных. Несколько раз прогулялись по угору и только. Потом он уехал, а через несколько лет погиб на войне.

Когда пришёл свататься мой отец, бабушка сразу смекнула, как в избу вошли двое незнакомых мужчин: один постарше, другой молодой, махнула дочери рукой. Анна ушла в горницу. Потом бабушка, улыбаясь, позвала её обратно и спросила: «Пойдёшь замуж то?». И она, смущаясь, тихонько сказала: «Дак пойду». Свадьба была в апреле, было ей 18, а жених оказался не на 4, а на 6 лет старше, что выяснилось, когда пошёл на пенсию. Через год родила последнюю дочь бабушка, а через 3 родилась Лида. Жили в те годы хорошо, мама не работала. Через 2 месяца после моего рождения отец ушёл на финскую войну, потом почти 5 лет был на Отечественной. Мама сначала работала на запани в столовой, потом почтальонкой. И в молодости, и потом у неё всегда было много подруг, знакомых, всем им она что-то делала – шила, вязала, кроила, пряла. Больше всего любила шить, к тому же у неё был отличный вкус. Мы портнихами не стали, хотя шить-вязать умели с детства. Но, оказалось, любили ткани: Лида и работала в последние годы товароведом по тканям, я до сих пор люблю заниматься лоскутным шитьём. До самой смерти переписывалась она с родственниками и подругами, очень любила читать. Но ей всегда не хватало времени, потому, сколько книг было прочитано нами у швейной машинки или при свете коптилки на печи. У неё рано испортились зубы, потому с малолетства говорила: «Учись на зубного врача». А я упрямо повторяла: «Буду артисткой!». Лида, между прочим, собиралась быть художником. Откуда такие желания, мы ведь и слов-то этих тогда не знали. Из дочерей, как и отец, больше любила Лидочку, но ещё раз повторюсь, разницы между сёстрами и дочерями она не делала, как старшая вырастила всех, ещё и двух внуков. Из внуков больше любила Лидиных, особенно Славку, единственного мальчика из всех нас. Когда была гражданская война на севере, её было около 4 лет. В одном из домов был госпиталь, так она ходила к солдатам и

пела песни. Голос и в самом деле был у неё не плохой, до самой смерти были хорошие волосы. С людьми сходилась моментально. Когда была на обследовании в Архангельске, сразу нашла северодвинскую родню, когда навещала в больнице Лену, нашла Вельскую родню, а когда лежала в больнице в Шенкурске (удалось устроить её на 2 недели, ведь таких больных в стационар не берут), сразу же познакомилась с одной женщиной. Про неё стоило бы написать отдельный рассказ. Было ей около 50, работала судьёй, но видимо не долго. Софья Шпик, отчество не помню, полная симпатичная брюнетка, здесь на Севере совершенно одинокая. У неё был рак груди с метастазами в позвоночник, так наша бабушка, в её то состоянии, ещё за ней и ухаживала, поскольку та была полностью в гипсе. Женщина стремительно худела, и гипс этот как камень очень мешал ей. Так вот, две неизлечимо больные женщины так мощно поддерживали друг друга, что казалось, вот-вот поправятся, встанут на ноги, но вскоре их разъединили. Нашу перед Новым Годом выписали домой, а Софью санитарным рейсом отправили в Архангельск, где её должна была встречать сестра с Украины.

Ранняя смерть Лиды очень подкосила мать, но не сломила. Отца уже не было в живых, да и пил он в последние годы.

Любила мама принарядиться, да и нас стремилась приодеть. Из всех деревенских подруг мы были одеты лучше всех. Всё, что можно было перешить – перешивала. Платья старалась нам шить одинаковые, обычно ситцевые, длинные на вырост. Нижние рубашки шили из полотна, а уж мы сами вязали к ним кружевные подолы и грудки. Вязали крючком салфетки, подвесы, покрывала на кровать, прошвы, занавески на окна и т. д. Я ещё в школу не ходила, а вязала, до крови исковыривая палец крючком, из катушечных ниток №10, №20. На круглых спицах из овечьей шерсти вязали носки, рукавицы, но свитеров, жилеток, кофт в то время не вязали. Не было не рейтуз, не колготок, поэтому зимой надевали длинные штаны на резинках, чаще всего фланелевые.

Хорошо пекла Анна Даниловна шаньги, пироги всякие, готовила. Только что готовить то в деревне, в русской печке, суп, обычно мясной, да жаренка, то есть варёная картошка, подлитая молоком. В неё добавляли всё, что было: солёные грибы–рыжики, даже головы от селёдки. Отец ловил рыбу, и она часто была у нас на столе. Впрочем, отсутствием аппетита никто никогда не страдал.

После смерти отца, а он умер 30 июня 1976года, маме тоже неловко было жить одной. Часто у неё ночевала баба Зина или кто-нибудь из Фаининых ребят. Через год умерла Лида, и она, нарушив своё хозяйство, уехала в город. Это в моём рассказе «Мама моя, мамушка». Ещё 4 года прожила она с новым дедом Александром Афанасьевичем Шастиным,

очень даже неплохим человеком, но 2 года из них уже болела. Приехали мы к ней на семидесятилетие, а она худая такая, но всё ещё энергичная. «Утомилась на сенокосе», – подумала я. Потом приехали на праздник 7 ноября. Тут она сама заявила: «Девка, у меня ведь рак!». «А ведь точно», – подумала я и стала её убеждать в противном. О её болезни можно написать целую повесть, только интересно ли будет вам читать, мои дорогие. Умерла мама от рака желудка вечером 22 апреля. Истощена была до крайности, ведь не ела совсем столько времени. Перед смертью просила повернуть на правый бок – повернули. Была в сознании, но говорила невнятно. Глаза были такие страшные, расширились, из голубых стали совершенно тёмными, я даже просила: «Закрой глазки». Сказала мне: «Не реви». Потом: «Лидушку вижу». Потом раза 2-3 глубоко вздохнула и всё. Вот День Матери сегодня, теперь стали отмечать, и я пишу о ней – самом дорогом мне человеке.

Отец.

О нём я тоже писала в одном из рассказов – «Гармошка». Люди его хвалили. Был трудолюбивый, много что умел делать, хотя кто его учил-то, детдомовского. Меня не любил, в детстве часто возникали конфликты и почему-то всегда за столом во время обеда. Пьяный был буйный, гонял нас и мать, страдал сердечно-сосудистой недостаточностью, отчего и умер в возрасте 67 лет. Был у него одно время и мотоцикл, и лодка с мотором, но нас никуда и некогда не возил. На работу уходил всегда рано. Приносил с работы сводки или ведомости, или не знаю, как они назывались. Мы помогали ему их заполнять, так как требовались они не в одном экземпляре. Так что с детства знаю такие слова, как балансы, пиловочник, рудстойка. Очень любил покупать вещи на базаре, на барахолке. Были у него и друзья, в молодости высланный хохол Терентий Иванович Павлюк, кузнец, мастер на все руки; старый Карп, отчества не помню, рыбак и охотник из Малого Усть-Моржа. Ну а потом-то друзьями его были все алкоголики.

Лида.

Всегда была мне не только сестрой, но и подругой. Мы родились через 3 года в один день. В самом-то деле я не знаю, как у неё записано в паспорте, у меня в свидетельстве о рождении стоит дата 28 июля, а отмечали мы с детства 29. Нам шили всегда одинаковые платья, даже

пальтишки где-то в 4-5 классе были сшиты одинаковые из синего полусуконья. Но мы были не похожи. Лида была бойчей, общительней, у неё всегда было много подруг, и ещё в школе появились мальчики. Но надо сказать, что в школу она пошла с 9 лет, а закончила почти в 20. Ещё после 7 класса пыталась она поступить в строительный техникум, не прошла по конкурсу, и в 8 класс её устроили не в сентябре, а гораздо позже. После 10 класса пыталась поступить в техникум связи, тоже неудачно, и поступила в кулинарное училище на повара. В школе-то она училась всегда средне. Окончила училище, тут же вышла замуж. Работать её направили на Бакарицу. Михаила своего выбрала из множества кавалеров, потому что он не пил вина. Он тогда ходил на буксирном теплоходе мотористом после окончания какого-то ФЗО. В Усть-Морже они и познакомились. Был он из Липецкой области, село Дубовое, из большой семьи. Их было четверо братьев и младшая сестра Татьяна. Квартиру они тогда нашли в старом частном доме, продуваемом со всех сторон, хозяйка его жила где-то в Вологде. В избе не жили, в одной комнате жили две девчонки- продавцы, а в другой – они с Михаилом, вход был отдельный. И была в том домишке такая холодина, как на северном полюсе. Я тогда первый год училась в медучилище, жила у дяди Антона и на каждый выходной и праздник ездила к ним. Благо у одной из моих новых подружек жила там бездетная тётка, а другая воспитывалась там в детском доме. (Ольга Тюрикова-Савина и Нина Лукинская). Лида иногда приносила из столовой еду, иногда что-то варили. Спать мне стелили на стульях, то есть моё пальто укрывалось Лидиным, было неудобно и очень холодно. Всю ночь гремели поезда, железная дорога была рядом. Но всё равно я каждый раз ехала к сестре. Лида была уже беременной. В конце августа она родила Светку, и оставаться на зиму в том холодильнике они не решились. Переехали в деревню, Михаил пошёл работать на запань, примерно через год Лида устроилась работать в магазин. А Михаил даже поступил учиться в вечернюю школу, с помощью жены кое как её закончили даже поступил на заочное отделение в АЛТИ, но с его знаниями закончить конечно не мог, но и не исключили же! В деревне они прожили около 7 лет. Хорошо ли плохо (зять маме не нравился), но нянчиться с ребёнком помогали все. Потом переехали опять же в город. Жили у Александры Македоновны в частном доме, хозяйка окончила когда-то курсы благородных девиц. Лида работала в магазине.

Она уже училась на 3 курсе Московского кооперативного института (заочно), когда родился Славка. Помочь, конечно, было некому: мама работала, последние годы перед пенсией тоже важны, а муж был (и есть) не из тех людей. Так что сын родился, но с высшим образованием

пришлось распрощаться. Они получили крохотную комнатуху на улице Ломоносова, 18 и жили там долго. Квартира, полученная на улице Тиме, стоила сестре здоровья, и пожила-то она в неё всего год-два. Высокое давление появилось у неё при второй беременности, она даже лежала в больнице 1 месяц до родов. Рождению мальчика радовались все, это был первый мальчик в нашей близкой родне. Одно время Лида работала в магазине «Юность» на Поморской, вернее на Набережной. В том же здании была и столовая. Я уже училась тогда в институте, и когда у меня было «окно», всегда приходила к ней. Мы вместе ходили обедать или ещё куда-нибудь. А на воскресенье или праздники они всей семьёй приезжали к нам. Хорошее то было время, мы ещё были молоды, о чём-то мечтали, на что-то надеялись, жили бедно. Всё, что покупалось, только благодаря Лиде, купить что-то в магазине без блата было невозможно, да и денег не было. Последнее место работы Лиды бюро товарных экспертиз. Она приезжала с работы поздно, намёрзнувшись на складах и базах, с кучей бумаг и актов, которые ещё надо было переписать в нескольких экземплярах. Умерла 8 октября 1977 года. (Мой рассказ «Мама моя, мамушка»). Всё было бы не так, доживи она до наших дней, она бы организовала такую торговлю с её-то опытом, связями и энергией.

Шастин Александр Афанасьевич.

Второй муж Анны Даниловны, человек достойный и положительный. Не пил, не курил, никогда не на что не жаловался, всё и всегда ему было ладно. Работал с молодости вместе с моим отцом, и никогда нечего не сказал о нём плохого. Со своей женой Марией Кондратьевной имел трёх сыновей. Младший, мне ровесник, умер в детстве от воспаления лёгких, в 10 лет. Средний, будучи уже отцом семейства, утонул в Двине. Он работал тогда на сплотноном станке мотористом, и мотор этот сломался. Бригада ушла на обед, ему же пришлось лезть в холодную воду, кто будет ремонтировать-то, бригада простаивать не должна. Дело было весной. Видимо там, в воде схватился за оголённый провод, от поражения электрическим током и погиб, его даже не отнесло некуда. Третий сын Анатолий жив и сейчас, у него трое сыновей. Жена деда тоже умерла от рака желудка. Он ещё 6 лет жил один, вернее с семьёй сына. Родом был из Плесецкого района, вернее с бывшего Приозёрного, был и такой. Его отца, как и отца нашего деда Михаила, убили ещё на той империалистической войне 1914 года. Мать выходила замуж второй раз, того мужа убило упавшим бревном, когда шёл мимо строящегося дома. Мать доживала с семьёй сына. Дед Шастин

много знал, много помнил, был здоров, только плохо видел, дожил до 87 лет. После смерти мамы мы печаловали его ещё 13 лет, но умер он у родного сына.

Баба Зина.

В деревне, где все родня, она была нашей единственной родственницей, все другие жили в городах. В девичестве Уварова Зинаида Андреевна, двоюродная сестра деда Данила. У его отца Ильи Денисовича был брат Андрей Денисович, она его дочь. Был ещё у неё и младший брат. Была она человеком независимым, добрым, на всё имела своё суждение. Жила долго, более 80 лет, умерла в городе. Есть у меня про неё один рассказ. Бабушка Татьяна её не любила, да и кого она любила-то. С мамой они дружили всю жизнь, а нас с сестрой баба Зина любила как своих собственных. Внешне она была невысокой, плотной, с седыми волосами, в которых непременно была гребёнка, как и у всех деревенских женщин; в кофте, юбке, фартуке. Громкий голос, большие круглые глаза, с нашим дедом никакого сходства. Детей было несколько, лишь одна Тамара дожила до 13 лет, остальные умерли во младенчестве. Брат Александр жил в городе, был женат на еврейке, работал милиционером в первые годы советской власти. Был убит на посту, вскоре умерла и его жена Вера, а маленькая Роза осталась сиротой. Её и воспитали баба Зина с дядей Пашей. Роза и работала там всю жизнь в «сером доме», то есть в доме Советов. Кстати и замуж вышла тоже за родню: её свекровь Фелицата Семёновна Елсукова двоюродная сестра нашей бабушки Татьяны, они жили в Березнике. Про них рассказ ещё не написан.

Кстати, наш дом внешне и по внутреннему устройству очень схож с домом бабы Зиной, только побольше. В избе у них было холодно, и дверь в горницы всегда закрывали, зато в маленьких горенках всегда было уютно. Такая же, как у нас печка-голландка, ножная швейная машина, одна (а не две, как у нас) кровать в задней горнице. На полу стоял большой до потолка фикус, в углу цветущая роза. В средней горнице, кроме стола и буфета, ещё несколько венских стульев.

Работала баба Зина в колхозе овощеводом, то есть выращивала морковь и капусту, а мы дети бегали ей помогали полоть и поливать. Потом долго работала она сторожем на ферме, и длинными осенними вечерами и ночами (и зимними тоже) часто можно было видеть, как через дорогу медленно движется слабый огонёк – это баба Зина шла на ферму или возвращалась с неё с керосиновым фонарём. Последний раз я видела

её уже после смерти Лиды, и жила она в городе у Розы Александровны, а мы с мамой зашли к ним. Меня она, конечно, узнала, обрадовалась, рассуждала правильно и не думала я, что вижу её в последний раз. Вечная ей память.

Заборская родня.

Никогда раньше не знала, что есть такая деревня Заборье, Усть-Вага, да, ребята устьяжские с нами учились. Патриархом той родни, конечно, был дед Нестер Викторович. Я его помню. Было ему уже около 100 лет, весь высохший, худой, лёгкий такой, с большой бородой. Он ещё сам приходил к своей старшей дочери Ефросинии. Видно было, что живётся ему не так и хорошо. Первая жена его, не помню, как её звали, вроде Катерина, умерла в возрасте 30 с небольшим лет от воспаления лёгких. Молотили на гумне поздней осенью, и она скинула фуфайку, простыла и за 4 дня умерла, оставив четырёх дочерей. Старшая, шестнадцатилетняя Ефросиния (Опросенья по-деревенски) и стала потом моей свекровью. Мария, Анна и Таисия – её младшие сёстры. Нестер же женился на девушке, которую так до смерти и звал Ирочкой. Ирочка родила ему четверых сыновей. Я знала среднего Виталия, да младшего Семёна, а лучше всех старшего Валентина. Он чаще других бывал у моей свекрови, даже и в Шенкурске бывал.

Молоденькую Фросю высмотрела на вечеринке её будущая свекровь, она быстрее всех кудель пряла. И в неполные семнадцать её быстренько выдали замуж, куда же идти сироте. Да и остальных, как только подрастали, сбывали с рук. Вторую Марию отдали за инвалида. Наша Фрося была красавица (да и сёстры тоже), черноглазая, стройная, с длинной косой. И жених ей вовсе не нравился – небольшой, коренастый и по прозвищу «Носко», но кто её спрашивал. В семье жениха, отец которого тоже погиб на той пресловутой империалистической войне, нужна была работница. Он же сам должен ещё был идти в армию, а у него ещё две малолетние сестры. Оба, свекровь и свёкор, были с одного года, 1903. Отец Павел, мать Прасковья, сестры Павла и Клавдия – это семья нашего деда Андрея. Время тогда было самое смутное, только что прошла революция, потом гражданская война, интервенция на Севере. Не поймёшь, кто прав, кто виноват, и не понимали многие. А в молодой семье друг за другом, как грибы после дождя, появлялись дети. Всего их было 9: Пётр, Анастасия, Павел, Аркадий, Борис, Василий, Дина, Виктор, Нина. Настя – нянька всем. Пётр и Павел были на войне, Павел пропал без вести, и так и неизвестно, где и как. Аркадий, как и Василий, был

женат на фельдшере (медичке), он утонул. Виктор, женатый во второй раз, замёрз в Ленинграде. Настя, Петр, Василий, Борис – умерли. Дина умерла в возрасте 10 лет. Осталась из всей семьи одна Нина, 1944 года рождения.

Баба Прасковья, вырастившая всех внуков, умерла вскоре после войны. Её часто вспоминал мой муж Василий. Бабушка Фрося обладала характером твёрдым и не простым, с детства верила в Бога. Всю жизнь работала в колхозе: дояркой, свинаркой, телятницей. И в бане своих детей не мывала, как признавалась сама. Но надо отдать ей должное, всех своих детей она любила одинаково, разве что Виктора побольше, он и дома жил дольше других. Все сыновья, их шесть, по первой профессии трактористы. Бабушка Фрося часто рассказывала о своей жизни, а мой рассказ о ней ещё впереди. Была она довольно общительной, со своим характером, на чистоту и порядок в доме и внимания никогда не обращала. Внуков у них с Андреем Павловичем было больше 20. Поддерживала отношения со своими сводными братьями и даже с мачехой, привечала отца, но обиду на них имела всю жизнь.

Из сестёр её в живых нет никого. Мария детей не имела, работала всю жизнь продавцом, жила в Верхней Кице. Анна имела четверых детей, жила в Усть-Ваге, в последние годы в Северодвинске у дочери Валентины. В доме живёт младший сын Вовка. Старший Василий, по прозвищу Васька Шалай, долгие годы работал шофёром на «скорой помощи» в Березнике. Людмила – киномеханик, живёт в Волгоградской области. Самая младшая сестра бабы Фроси, Таисья, по профессии медсестра, долгие годы жила в Мезени, у неё одна дочь и двое приёмных, она выходила замуж второй раз. Фамилия Анны – Бобылева, Марии – Дубакова, Таисьи не знаю.

Дед Андрей был сколько-то времени на войне, но не на фронте. Работал долго председателем сельсовета в Усть-Ваге, потом кузнецом. Характер имел добрый, вина не пил, курил трубку. Детей никогда не обижал. Родом он из Наволока. Сестра Павла Павловна жила в Устьянах, имели с Дядей Дорофеем троих детей (Фёдор, Лидия и ?). Сестра Клавдия всю жизнь жила в Шидрово, детей у них много, фамилия Назаровы, в гостях у них я бывала.

Р.М, Устинова.